

Ты ведёшь милостью Твоею народ сей... Исх. 15, 13

Милость

Информационно-назидательный журнал МСЦ ЕХБ
для людей с ограниченными возможностями

№3, 2022

Я был глазами слепому
и ногами хромотому;
отцом был я для нищих...

Иова 15, 16

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛЕЙСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

В. Ерёмченко. «НЕ «ПОЧЕМУ?», А «ДЛЯ ЧЕГО?» 3

МОЯ ВСТРЕЧА С БОГОМ

И. Хомик. СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ. Почаев 7
Е. Александрова. НЕОБЫЧНЫЙ БОЖИЙ ПЛАН 10
Н. Беккер. ПРОЗРЕНИЕ (стихотворение) 14
М. Орловский. «ТРОСТИ НАДЛОМЛЕННОЙ НЕ ПЕРЕЛОМИТ...» 15
В. Касимова. Свидетельство в поэтической форме 17

ТВОРЧЕСТВО ЧИТАТЕЛЕЙ

М. Тайга. ИСКОРКА, ПОБЕДИВШАЯ ВЬЮГУ (документальная повесть) 18
Поэзия Ирины Шемелиной 27

БЛАГОСЛОВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

СИЛА БЕССИЛЬНЫХ 28
РЕБЁНОК С СИНДРОМОМ ДАУНА 29

... Как возлюбил
Бог мир, что отдал
Сына Своего Единородного,
дабы всякий верующий в Него,
НЕ ПОГИБ,
но имел жизнь вечную.

Евангелие от Иоанна 3, 16

Не «почему?» а «для чего?»

*Виталий
Ерёменко*

ВМОЕЙ семье воспитывается двое детей-инвалидов. Два мальчика. Девять лет мы с женой оставались бездетными. Мы очень переживали об этом и много молились. Я просил друзей, братьев, служителей М. И. Хорева, С. Г. Германюка — людей большой веры — молиться вместе с нами. И Господь воздал по нашим молитвам: родился долгожданный сын Марк! Мы радовались и благодарили Бога за этот подарок. Потом опять долгое время у нас не было детей. Когда прошли полное обследование, врач с улыбкой сказал: «Вы оба здоровы, а детей даёт Бог!» Мы с женой не переставали молиться и верить, что Господь ответит на наши просьбы.

И Отец Небесный снова услышал нас: Он подарил нам тройню! Три сына — три радости. Но один из мальчиков, к сожалению, умер через девять дней после рождения, а двое стали подрастать. Они были очень красивыми и, как нам казалось, здоровыми. У них не было никаких признаков болезни.

Совсем никаких. Но опытные невропатологи говорили: «Вас ожидают большие проблемы». Нам тогда ничего конкретного не сказали, потому что врачи имеют право ставить диагноз только через восемь месяцев после рождения.

Я находился в очередной поездке на Дальнем Востоке с братом Михаилом Ивановичем Хоревым. Когда мы ехали в поезде из Владивостока в Благовещенск, мне позвонила жена и встревоженным голосом сообщила:

— У меня две новости: одна хорошая, другая — не очень. С какой начать?

— Ну, — говорю, — мне всё равно, ведь обе надо услышать.

Жена и порадовала, и огорчила:

— Первая новость: мы ждём ещё одного ребёнка! А вторая — нашим сыновьям поставили пожизненный диагноз: они никогда не будут ходить, у них инвалидность первой группы, детский церебральный паралич.

Я был изумлён: «Господи, почему? Ведь я с юности посвятил свою жизнь Тебе, много трудился: много времени посвятил изучению Библии, учёбе

и служению, был ответственным за благовестие, миссионерствовал на Курильских островах, принимал участие в организации новых церквей... Кому-то другому бы такую судьбу... Господи, почему мне? Почему?» Я сопротивлялся: «Господи, несправедливо! Что хочешь, но только не это!» Мы с женой постоянно пытались найти причину происходящего, но не находили и нам не мог помочь ни один служитель.

Сегодня нашим детям по семнадцать, но лишь восемь лет назад Господь через Слово начал посещать нас Своими ответами. Когда Он предпринимает заговорить с человеком, то делает это громко и на понятном ему языке. После длительного диалога Он, в конце концов, изменил направле-

ние мыслей и научил нас иной формулировке.

Когда ученики увидели слепорождённого, то задали Иисусу Христу вопрос: **«Равви! кто согрешил, он или родители его?..»** В нём звучало недоумение — почему? Но ответ Учителя направил их в другое русло: **«Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нём явились дела Божии».** Ученики готовы были копошиться в прошлом несчастного слепого, но Христос поменял их мышление — вы лучше загляните в будущее и задайте вопрос поглубже: для чего? — и тут же дал исчерпывающий ответ: для славы Божьей.

Я много раз перечитывал книгу Иова. Особое внимание обращал на самого страдальца и Божий разговор

с ним, о котором автор повествует на протяжении нескольких глав (см. 38–40): **«Господь отвечал Иову из бури и сказал: кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне».** Если перевести на наш простой язык, то в обращении Бога можно услышать негодование: «Что ты раскис?! Как ты можешь так спрашивать? Что ты себе позволяешь? Кто ты такой?» И Творец стал задавать Иову вопросы: **«Где был ты, когда я полагал основания земли... Кто положил меру ей... Давал ли ты когда в жизни своей приказания утру и указывал ли заре место её... Нисходил ли ты во глубину моря и входил ли в исследование бездны? Отворялись ли для тебя врата смерти, и видел ли ты врата тени смертной?.. Входил ли ты в хранилища сне-**

га и видел ли сокровищницы града...»

Больше всего меня заинтересовали не сами вопросы, а тон обращения. Неужели Богу были важны ответы Иова? Нет! Это риторические вопросы, суть которых в одном: «Если ты до сих пор не разобрался в земных законах природы, то сможешь ли проникнуть в духовную сферу? Чего ты домогаешься? Вместо того чтобы задавать вопрос «почему?» — лучше научись спрашивать: «Господи, для чего Ты это допустил?»

Можно никогда не получить ответ на животрепещущий вопрос: почему? Да это и ни к чему. Я не нашёл в Библии историй, где в бедственных ситуациях задавался бы этот вопрос. Если Бог совершал какой-либо суд над Израилем, то заранее предупреждал о грядущем возмездии и давал ясное понимание происходящего для их же блага.

Я часто встречаюсь с инвалидами или их попечителями, которые понимают действия Господа в своей жизни. Некоторые открыто говорят о том, что несут наказание от Бога, поэтому радуются и прославляют Его за благословенные остановки и действенные методы работы над ними. Суд над грехами здесь, на земле, освобождает от суда в вечности.

Я знаком с одним человеком по имени Билл. Я был тронут и покорён его высоким богословием, когда он проводил занятия по книге Ездры, Неемии, второму посланию Петра. Откуда у него такая сила в служении? Этот человек прожил необычную жизнь. Он посвятил себя миссионерству и много лет совершал служение в Индии среди бедных, низкообразованных людей. Билл переселился туда из обеспеченной, красивой, сытой Америки вместе с женой сразу после свадьбы. Жили они весьма скромно, но имели большой успех в служении.

Через год, на радость семьи, родился первенец. Когда мальчик подрос, родители, не имея возможности дать ему престижное американское образование, отправили его в первый класс индийской деревенской школы.

Вскоре семью посетил ещё одно торжество — родился второй сын!

И вдруг в их посёлок пришла беда — эпидемия, которая унесла жизни многих, в том числе и обоих сыновей миссионера. «Я закрылся в комнате и, стоя у постели мёртвых сыношек, кричал: „Господи! Мне стыдно выйти из комнаты! Как я пойду к язычникам, которые зывали к своим шаманам, ворожили, колдовали, и их дети остались живы? А ведь я так молился об их исцелении! Господи, я не знаю, что делать... Как мне теперь проповедовать о Тебе?..“ Он умолял Бога воскресить детей для успешного проповедования, но по сей день в глухой индийской деревушке скромно возвышаются на кладбище две детские могилки его сыновей.

Теперь Биллу примерно шестьдесят лет. Этот благословенный проповедник просто переворачивает души людей, направляя их к Богу.

Как-то он был на одной миссионерской конференции в Англии, где его попросили рассказать о служении в Индии. После проповеди к нему подошёл человек, находящийся в глубокой депрессии. Проповедник чувствовал себя бессильным сказать утешительное слово и просто поведал ему о своём горе тридцатипятилетней давности. Его рассказ произвёл значительное успокоительное действие на скорбящее сердце. Впоследствии этот человек стал великим миссионером, который в десятки раз превзошёл результаты служения своего утешителя.

Не получив тогда ответа на своё «почему?», брат Билл теперь понимает, для чего произошла его личная

семейная трагедия: Богу необходим был человек, который смог бы пролить бальзам на израненное сердце будущего великого труженика. Для исполнения Своих величайших целей Ему нужны практики, а не теоретики.

Бог не таков, как представляют себе многие: якобы Он наблюдает за человеком, и, если тот споткнулся, подсекает его, да так, чтобы тот не поднялся. Я верю в другого Бога, Который вместо вопроса «почему?» помогает понять «для чего?». Через наше семейное переживание Господь основательно изменил мою жизнь и служение: я стал чаще встречаться с инвалидами, их семьями, побывал во многих церквах, где есть таковые люди, и пришёл к интересным выводам.

У нас в Кишинёве три церкви. В первой есть один-единственный инвалид — сын пресвитера. Во второй большой церкви — тоже один инвалид, у пресвитера. В третьей — то же самое, и больше ни у кого. Можно долго перечислять эту галерею, которую я увидел и на Кавказе. Там, на конференции для родителей, воспитывающих детей-инвалидов, большая часть присутствующих в зале были пресвитеры и диаконы. Я задался вопросом: «Господи, для чего Ты это делаешь? Здесь должны сидеть блудники, а не служители! Им ли иметь такую судьбу?» Я и сам нахожусь в этой группе... И понял, для чего, — Ему нужны люди, занимающиеся тематикой инвалидов.

Мне попалась очень ценная информация. Оказывается, люди с инвалидностью чрезвычайно необходимы обществу, ведь именно благодаря им мир становится другим. В Англии есть элитные школы с очень дорогим преподаванием для детей президентов, министров. В них существует ценное правило: в каждом классе обязательно должен обучаться бесплатно один инвалид-колясочник с неповреждённым интеллектом. Доказано, что в среде, где присутствует такой человек, учащиеся развиваются правильно,

приобретают благородные черты характера, у них пропорционально развиваются чувства жалости и достоинства, потому что они являются свидетелями скорбей, слёз, болей.

Дорогие братья и сёстры! Благословенна та церковь, в которой есть инвалид! Как вы должны быть благодарны тем семьям, в которых воспитываются такие дети! Это делает Господь для того, чтобы благополучные в физическом отношении дети становились со-

страдательными и у них развивалась благородная чувствительность к тем, кому хуже, чтобы им были близки горести и переживания других. Таким образом Вершитель судеб достигает Своей славной цели — прославление Себя Самого.

Да даст нам всем Господь милость уразуметь, что наше согласие с Его планами намного важнее, чем понимание их причины. ●

Страницы памяти

Продолжение. Начало в №№ 1–2

Почаев

Обучаясь в педагогическом училище, я не забывал о двух вещах: во-первых, молиться утром и вечером (делал я это втайне от сокурсников, с которыми жил на квартире). Часто, уединясь где-то во дворе или просто в комнате, я дожидался, когда все уснут, и молился. Мои молитвы уже начали выходить за пределы заученных. Я взял за правило просто излить перед Иисусом Христом свои переживания, проблемы, высказывать просьбы, желания. Во-вторых, я помнил о своём большом грехе и понимал, что нужно что-то предпринимать. Но что?

Однажды родители сказали мне:

— Иван, тебе надо бы пройти исповедь в церкви. Когда ты был там последний раз?

Этот вопрос заставил меня задуматься, ведь событие произошло так давно, что я уже плохо помнил о нём. Тогда атеизм, в своём безумии, царствовал во всех областях человеческой жизни. Он казался настолько могущественным, просто непобедимым, что ни у кого из моих близких не возникало даже мысли о каком-нибудь открытом сопротивлении. Как же мне пойти в церковь, где в любой момент могут встретиться знакомые?

Родители решили свозить меня в Свято-Успенскую Почаевскую Лавру. Во мне загорелась надежда, и я согласился. Конечно, ни отец, ни мать не могли знать истинной причины моего желания.

Во время учёбы я два раза в год проходил курс лечения в неврологи-

ческом отделении областной больницы. Я позаимствовал два-три дня от общего курса лечения, чтобы потом не искать объяснений причине пропусков занятий, и пребывал в каком-то тревожном ожидании поездки.

Приехали мы с отцом в Лавру уже под вечер. Вокруг большое скопление людей, которое произвело на меня сильное впечатление. Будучи семнадцатилетним юношей, я чувствовал себя не очень уверенно среди колыхающейся человеческой массы. Что они все здесь ищут?

Вошли мы в одно здание, там шло вечернее служение. Народу много, нелегко пробраться. Никогда не бывал я не только на таких служениях, но даже внутри православных храмов. Я огляделся и, когда немного погода освоился, стал прислушиваться к своим внутренним чувствам. Но того, чего ожидал, не случилось — вместо духовного благоговения, восторженности от окружающего великолепия, я ощутил холод. Всё было новым, интересным, но... чужим. Вместе со всеми я осенял себя крестным знаменем, ставил свечи перед ликами святых, по необходимости кланялся, то есть исполнял всё, что велел мне отец. Но для КОГО? КОМУ это надо? Там было ВСЁ и не было НИЧЕГО, кроме блеска и роскоши. Нельзя сказать, что я сильно растерялся, но это открытие меня смутило. «Столько вокруг людей! Неужели все они испытывают то же, что и я? Не может этого быть! Что мне делать?» — искал я ответы на свои вопросы.

Служение я отстоял до конца, и мы с отцом вышли на улицу. Я ни на мгновение не забывал о причине своего здесь присутствия и поэтому очень переживал, что сказать на исповеди, говорить ли обо ВСЁМ. Настроение оставалось подавленным и усугублялось ещё и осенней сыростью.

Мы прошли вглубь территории монастыря. Тишина, окутавшая нас, немного успокоила и позволила собраться с мыслями. Вдруг в сумерках, на дорожке, усыпанной опавшими осенними листьями, я заметил невысокую фигуру женщины. Её вид меня поразил: она стояла на коленях на мокром грязном асфальте под холодным морозящим дождём. Присмотревшись внимательно, я понял: она не стоит, а неспешно передвигается куда-то в темноту.

— Что это? — не спросил, а выдохнул я, поражённый увиденным. — Она больна? Но почему она одна, вдали от людей в такую тоскливую ночь?

— Она несёт своё наказание, искупляет грех, — чуть слышно ответил отец.

— Как это? — не понял я.

Продвигаясь вперёд в одном направлении с женщиной, мы быстро догнали её. Голова у неё была низко опущена, плечи ссутулены. Рассмотреть её лицо не представлялось возможным даже днём.

— Она совершила какой-то грех. Может быть, даже тяжкий, — уточнил отец. — Вот и должна его искуплять, обходя территорию на коленях определённое число раз.

— И сколько? — спросил я.

Отец как-то неуверенно пожал плечами и ответил:

— Сколько назначили. Смотри какой грех.

— А кто назначил?

Почаевская лавра с Южной стороны

Не помню, что сказал отец, по моему, он просто промолчал. Впрочем, ответ и так был очевиден.

Увиденное вновь растревожило мою душу, противоречивые мысли заполнили голову, меня начали поглощать различные сомнения.

Прихожанам, которые оставались на ночь в монастыре, открыли двери другого здания. Мы тоже вошли с ними внутрь, и я с интересом осмотрелся. Помещение было очень большое и просторное и вмещало в себя огромное количество людей. Все они устраивались на отдых просто на полу, покрытом плиткой. Необходимо было и нам готовиться ко сну. Мы застелили чем-то пол, под голову положили дорожные сумки, помолились и легли. Но сон не шёл. Я чувствовал пропасть между собой и этим многолюдьем. «Что они здесь делают? — в который раз спрашивал я себя. — Они же все пришли к Богу, ищут Его, тут собрались все верующие. Везде так красиво и пышно, стены талантливо расписаны яркими красками с позолотой и заставлены большими иконами. На этом месте есть Бог, Он должен здесь быть!..» — убеждал я себя, но внутри ощущал пустоту и холод.

И вдруг я понял: в этих стенах нет главного — жизни!.. Я всматривался в лица, надеясь увидеть в глазах

хоть маленькую живую искорку, но не находил. Все какие-то отчуждённые, озабоченные, почти не реагирующие на происходящее вокруг, полностью поглощённые своими то ли мыслями, то ли проблемами. Пустота... Неприятное, просто отталкивающее впечатление.

Впрочем, вскоре и я ушёл в себя, отрешившись от окружающего мира, — у меня тоже были свои переживания. Завтра исповедь. Как же мне себя вести? Рассказать священнику всё — точно разгневется и прогонит. Где взять на это сил? А может просто сказать, что грешный, мол, много разных грехов за душой и достаточно? Мысли одна за другой вихрем проносились в голове и мешали спокойно уснуть. Я понимал, что для облегчения души должен рассказать всё, без утайки. Но, с другой стороны, становилось страшно. Моё «я» шептало: «Жил ведь с этим до сих пор, проживёшь и дальше! Ты такой молодой, вся жизнь впереди. Зачем тебе эти неприятности? Успеешь ещё сто раз исповедаться! Всё равно никто ничего не знает...» Но другой голос, тихий и ласковый, твердил: «Это твой единственный шанс получить желанный покой!» Борение в душе становилось всё ощутимее. Призна-

ться в тяжёлом преступлении не было сил, но и остаться с ним — ещё труднее. После отчаянной внутренней борьбы я решил: «Расскажу всё, как есть!» — и только тогда успокоился и смог уснуть.

После утреннего служения я занял место в длинной очереди на исповедь, удивляясь, как быстро она продвигается. «Неужели у людей так мало грехов? — думал я. — Как им хорошо!» Мне же казалось, что я влачу за собой всю нечистоту земли. Наконец подошла моя очередь. Священник набросил мне на голову покрывало, я глубоко вздохнул, открыл рот и... услышал его приглушённый голос:

— Сколько тебе лет? — После моего ответа он скороговоркой пояснил: — Не кури, не обольщай девушек. Пятьдесят граммов разрешается выпивать. — И, быстро перекрестив меня, снял покрывало в ожидании следующего прихожанина.

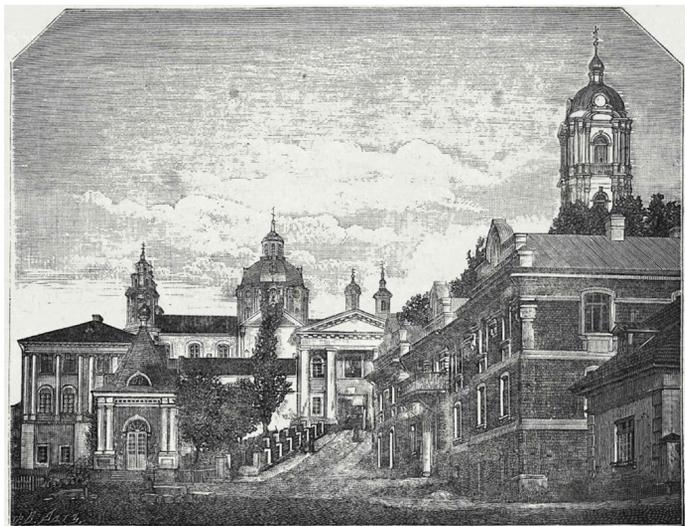
И это исповедь?! Непросто описать словами моё состояние в тот момент. Полная растерянность, непонимание того, что произошло, смешались с огромным облегчением и бурной радостью: всё уже позади! Так просто! Хотя мне не удалось вымолвить ни слова, но всё же это была победа — духовное внутреннее торжество в пре-

одолении самого себя. Я ведь твёрдо решил сознаться и полностью настроился сделать это, но не успел — меня лишили такой возможности. Сердце ликовало...

Домой я ехал в отличном, приподнятом настроении: всё так удачно сложилось и не пришлось терпеть позор перед священником. Не знал я тогда, что со временем мне опять придётся возвратиться к этому вопросу.

Иван ХОМИК

Продолжение следует

Почаевская лавра с Восточной стороны

пос. Бодайбо

Необычный Божий план

БЕССМЫСЛЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

У моих родителей было четверо детей: мальчик старше меня на год, я и две сестрѐнки помладше. Жили мы с родителями на золотых приисках в небольшом посѐлке Бодайбо на севере Иркутской области.

Моѐ рождение было не совсем обычным. Так случилось, что я родилась дома, потому что в поселковой больнице в начале семидесятых годов не было ни родильного отделения, ни машин скорой помощи. Когда наступило время моего рождения, мама обратилась за помощью к соседке-акушерке, живущей на втором этаже. Та, в свою очередь, вызвала в помощники знакомую медсестру, которая впопыхах захватила для обработки глаз лекарство с тем же названием, но с другой концентрацией. Акушерка, доверяя ей, не проверила состав, и в результате у меня получился сильный химический ожог. Чтобы избежать неприятностей, в документах

записали: «Врождённый дефект глазных яблок». Таким образом, я потеряла зрение в самом начале своего существования. Когда у мамы появилась возможность обратиться за помощью к врачам, время было уже упущено. В Одессе, в клинике Филатова, попытались поменять хрусталики и роговицу, но ничего не вышло. Я осталась практически без правого глаза, левым же ещё долго могла различать цвета. К восемнадцати годам перестал видеть и он, и я осталась совершенно без зрения.

Когда мне исполнилось шесть лет, родители отдали меня в специальный интернат для незрячих детей. Там я училась навыкам ориентировки, чтению по Брайлю, письму и постигала прочие науки. Закончила я девять классов общеобразовательной школы и не смогла учиться дальше, так как мой класс распался, а в другое учебное заведение добираться было далеко. Устроиться на работу не получилось, потому что в девяностые годы не хватало рабочих мест для

многих, а тем более для людей с ограниченными возможностями, не было общежитий, и я поселилась в родительском доме. Здесь началась жизнь практически в полном одиночестве. Интернат учит многому: писать, читать, понимать жизнь, но разрывает связи с родителями, с семьёй — полного взаимопонимания с родными уже не было никогда. Жизнь казалась пустой и проходила, как и у многих, не без греха, не без компаний. Я часто задавалась вопросом, зачем и для чего живу, ведь впереди никакой цели...

Родители, воспитанные в атеистической стране, о Боге и слышать не хотели, поэтому нам, детям, естественно, ничего о Нём не рассказывали. В школе я узнала, что есть религиозный праздник Пасха, но никто не смог ответить мне на вопрос, зачем для его празднования нужны крашеные яйца и куличи. Моя бабушка, считая себя православной, говорила, что в 2000 году наступит конец, всё погибнет, сгорит, люди побегут, не зная куда, и никуда не убегут.

Когда мне было лет четырнадцать, в стране началась перестройка, а с ней хлынули различные оккультные веяния, и мне трудно было разобраться, что же всё-таки является истинной верой. В то время моим любимым занятием было крутить и слушать радиоприёмник, и я иногда попадала на волну христианской радиостанции. Из обрывков проповедей я поняла, что есть святая Книга Библия, где говорится о Боге, творящем чудеса. Вначале меня это заинтересовало, так как мы почти всей семьёй увлекались гороскопами, гаданиями, но остановило необъяснимое явление в оккультной практике: предсказанное мне почему-то сбывалось с другими, но только не со мной. Бабушка, которая пыталась что-то рассказывать мне о Господе, сама никогда не читала Библию. Она была твёрдо

уверена, что обычный человек не способен её изучать, потому что для этого должен где-то специально учиться. Она настолько убедила меня в этом, что я не стала знакомиться с Книгой, не видя в ней никакой ценности.

РОЖДЕНИЕ СВЫШЕ

Но у Бога был Свой план, который Он терпеливо осуществлял в отношении меня. Я опустила чуть ли не на самое дно греха. И, как только это случилось, Господь удивительным образом послал Свою помощь. Когда я уже пришла в состояние полной безнадёжности и бессмысленности существования, то получила коротенькое письмо от неизвестного человека, в котором мне предлагалось бесплатно получить запись Нового Завета на кассетах и маленький магнитофон для прослушивания. Мне показалось это ненужным, но тут в роли двигателя выступила мама:

— Почему ты не хочешь? В принципе ведь страшного ничего нет, и почему бы не откликнуться, тем более бесплатно? Пусть пришлют. Прослушаем, а вдруг нам понравится.

Я подумала: «А действительно, интересно же. Я уже раньше слышала о Новом Завете, Псалтире, может послушать, что это такое?» Пока мы переписывались, как я поняла, с верующим человеком, во мне начали расти вера и какая-то надежда. Вскоре у меня появились все четыре евангелия, Деяния Апостолов и некоторые послания Апостола Павла по Брайлю, а также обещанный магнитофончик с кассетами. Я очень радовалась, так как к тому времени уже поняла, что для изучения Библии не нужно никакого специального образования. Во время чтения у меня текли слёзы, но осознания, что нужно каяться, пока ещё не было. Только лишь через некоторое время, при прослушивании

христианского радио, я поняла, что надо сделать шаг навстречу Богу и покаяться в грехах. «А как шагать, куда, в какую сторону?» — на эти вопросы я не находила ответа. Собраний в посёлке не было, я не знала ни одного верующего, кроме тех, кто считал себя православным. Но Господь кропотливо вёл меня Своим путём.

Однажды зимой, в декабре 2001 года, я находилась дома одна и слушала по радио проповедь о последнем времени. Брат говорил, что Церкви Христовой скоро не станет и на земле будут большие бедствия. Он задал слушателям вопрос:

— А где будете вы?

Это натолкнуло меня на серьёзные размышления, я задумалась о никчёмности своего существования и о вечной участи после смерти. Встав на колени, я рассказала Богу обо всём, что мучило, и попросила прощения за свои грехи.

После этого моя жизнь стала меняться: ушли ненужные тревоги, переживания, появилось ощущение лёгкости, душу наполнила радость, источник которой был мне тогда ещё непонятен. Истинных христиан я не знала, некому было выслушивать и наставлять меня, поэтому я оставалась наедине со своим Спасителем. Радио я стала слушать меньше — мне не всё уже нравилось и стала замечать некоторые расхождения с Библией, — но зато утвердилась в самом главном: важнее Слова Божьего нет ничего!

ЗНАКОМСТВО С ВЕРУЮЩИМИ

Так как общение с детьми Божьими для возрождённой души очень необходимо, Небесный Отец усмотрел мне наконец встречу с ними. Я узнала, что примерно в двухстах километрах от нас в посёлке Мама есть небольшая группа баптистов.

Слово «баптисты» меня уже давно не пугало, хотя в детстве я много слышала об их «проделках», будто они приносят жертвы, а детям не разрешают вступать в пионеры, и даже читала рассказ про одного такого бедного мальчика. Но мне тогда показалось, что он поступил хорошо, потому что в пионерии делать нечего. Как-то по местному телевидению показали фрагменты судебного процесса над верующим. Имея небольшой остаток зрения, во время его просмотра я подумала: «Ну и что, молились люди, никому не мешали, чего их судить?» — и ушла, не досмотрев до конца. Позже я узнала, что это был суд над диаконом иркутской церкви.

В марте 2002 года меня впервые посетил первый в моей жизни верующий, Константин Малышев. Позже я узнала, как он добирался к нам, чему была сильно удивлена. Оказывается, в Мама уверовал работник прокуратуры. Он предложил Константину съездить по зимнику в Бодайбо на автозаке, в котором должны были везти заключённых. Брат согласился, и они отправились в нелёгкий путь. Уровень воды на поверхности льда в некоторых местах был настолько высок, что им казалось, будто они плывут, и если что случись — на берег выпрыгнуть практически невозможно. Но благодарение Богу, Который помог им, хотя и с большими трудностями, добраться до места.

Мы пообщались с братом и поняли, что в целом едины в мыслях и у нас много общего. А в феврале 2003 года, на мой день рождения, Господь преподнёс мне чудесный подарок — на приобретённом в той группе автомобиле Костя со своей супругой приехал за мной, чтобы отвезти меня к ним на богослужение!

Подъезжаем мы к дому, а оттуда уже звонят:

— Приехали?

- Да.
- Привезли?
- Конечно!

«Неужели это правда? — недоумевала я. — Совершенно незнакомые люди... И кто я такая, что они воспринимают меня как свою?..» Я была сильно тронута вниманием верующих, которые встретили меня так, будто ждали долго-долго. Но когда я оказалась в их кругу, сердце возликовало: «Вот оно, моё! Это то, чего я искала! Здесь присутствует Господь!»

Побыла я там неделю и с неохотой вернулась домой. Теперь не скоро увидимся... Путь к ним — только по воде или зимнику, весной на реке очень опасно: лёд, не проедешь, не пройдёшь, нужно искать обходные пути. Мы стали общаться через переписку, а так хотелось опять встретиться! Когда я затеяла с мамой разговор о поездке, она воспротивилась:

— Зачем им это надо? Такие затраты! Транспорта нет, а они всё же едут... Что им нужно от тебя?

— Мам, да с меня чего взять-то? Даже одежды на выход нету. Если только квартира, но кому она потребуется в этой глуши?

А мама всё равно сопротивлялась, хотя раньше была расположена к таким встречам.

В начале июня между нами состоялся серьёзный разговор. Мама категорично заявила:

— Если у них крестишься, можешь сразу уходить из дома! Мне здесь баптисты не нужны!

Сердце тревожно затрепетало: «А где я тогда буду жить?» Это было серьёзным испытанием моей ещё неокрепшей веры. Я не могла понять, почему Отец Небесный допустил мне такое переживание. Но тут пришла успокаивающая мысль: «Господь ведь может позаботиться и о моём пристанище...»

КРЕЩЕНИЕ

Двадцать пятого июня был обычный день. Правда я немного приболела, но всё же делала домашнюю работу у себя в квартире, расположенной рядом с родительским домом. Вдруг послышался стук в дверь. Открываю — заходят два брата. Поприветствовались, и они с улыбкой спрашивают:

— Как ты думаешь, зачем мы приехали к тебе?

— Не знаю. Может, хотите меня в собрание взять?

— Да, хотим. Там на катере ожидают ещё некоторые друзья. Они желают познакомиться с тобой.

— Я не против! — радостно воскликнула я, но, вспомнив недавний разговор с мамой, сникла, опустила голову и тихо произнесла: — Но вот не знаю, как родители на это посмотрят...

Один из братьев, заметив тень грусти на моём лице, остался со мной, а второй пошёл поговорить с мамой. Вскоре он возвратился и радостно сообщил:

— Папы дома нет, он на работе, а мама сказала: «Пусть едет, куда хочет»!

Я оживилась и быстро собралась в путь. Автобусов вечером

уже не было, а нас всё это время поджидало такси. Мы приехали на берег реки Витим, и, подойдя к катеру «Благая весть», услышали обращённый к нам приветливый голос:

— Как мы рады видеть вас! Да ещё и втроём!

Когда мы поднялись на палубу, кто-то обратился ко мне с вопросом:

— А как ты думаешь, зачем мы приехали?

— Ну, может, посетить меня или взять с собой... — неуверенно начала я.

— Да, так и есть!

Вдруг кто-то задал мне неожиданный вопрос:

— А когда ты собираешься принимать крещение?

— Как Господь усмотрит.

Катер отчалил. Нам надо было идти против течения, а это дело не простое, так как Витим — быстрая река: спускаться получается быстро, а подниматься — медленно. Только на следующий день к обеду мы прибыли в Маму. В пути служитель-благовестник Яков Яковлевич Гец и братья по вере нашли время для беседы со мной.

26 июня 2003 года в горной холодной северной реке с тем же названием, что и посёлок, мне преподали крещение. Таким вот образом Господь привёл меня в Свою Церковь, где я нашла то, что искала: мир, покой, общность друзей по духу. Здесь я наконец-то уразумела значение истинной радости и настоящей Божественной любви.

Жизнь моя изменилась коренным образом: стала осмысленной, целеустремлённой. Нет, меня не обходят стороной трудности, иногда и очень нелёгкие испытания, но чем они сильнее, тем ближе Бог, тем лучше я ощущаю Его руку. Я не одна, у меня есть много братьев и сестёр, которые всегда поддержат и поймут. Теперь я не мыслю жизни без Господа.

Елена АЛЕКСАНДРОВА

Стихотворения читателей

ПРОЗРЕНИЕ

Решилось всё в одно мгновенье,
Когда я пал к Твоим ногам,
И, получивши обновленье,
Душа рванулась к небесам.

Я вырвался из злого плена
Неверья, тьмы и пустоты,
Где я погиб бы несомненно,
О, если б, Господи, не Ты!

А сколько Ты ко мне стучался,
Чтоб в сердце я Тебя выпустил?!
Но я на зов не откликался
И пуще прежнего грешил.

Какою мерою измерить
Твою, Иисус, ко мне любовь?
Хотя и был Ты мной отвергнут,
Но в сердце постучался вновь.

И вдруг явилась предо мною
Вся мерзость моего пути,
И я, склонившись пред Тобою,
Воскликнул: «Господи, прости!»

Ну как же раньше я не видел
Всё то, что Ты мне хочешь дать:
Твою священную обитель,
Твою любовь и благодать?!

И вот открылись мои очи, —
Кто скажет мне, что я слепой? —
Я вижу свет во мраке ночи
Неугасимый и живой.

Избавил Ты меня от смерти
И от духовной слепоты.
Настанет день, и в вечном свете
Узрю, Господь, Твои черты.

Мои возлюбленные братья
И сёстры милые мои,
Он примет нас в Свои объятия,
Коль будем мы Ему верны.

А если кто ещё не принял
Христа безмерную любовь,
Не опоздайте, ибо ныне
Он всех к Себе принять готов!

Николай БЕККЕР,
инвалид 1 гр. по зрению

«ТРОСТИ НАДЛОМЛЕННОЙ не переломит...»

МОЁ имя Михаил, фамилия Орловский. Родился 8 ноября 1966 года. Женат, имею двоих детей, живу в селе Казачьи Лагери. Хочу рассказать, как Господь оказал мне милость и вытащил из рва погибели.

Где царствует грех — там всегда беда и неустройство. В моей жизни наступил момент, когда всё, как говорится, полетело в пропасть. Находясь в одиночестве в своём саду, я в отчаянии воззвал к Богу — каялся, просил прощения за грехи, умолял навести порядок как в личной жизни, так и в семье. И Он ответил через верующую соседку, бабушку Женю, которая собирала у себя дома детей и рассказывала им о Боге.

Однажды моя дочка пришла домой и говорит:

— Папа, давай завтра поедem на собрание, прославим Господа.

Так я оказался на служении святых. В 2003 году я открыто исповедал имя Иисуса Христа как своего личного Спасителя и на следующий год принял крещение.

Казалось, всё идёт хорошо и прекрасно, но, будучи духовным младенцем, я и не предполагал, что меня могут ожидать большие трудности. Через десять лет моя жизнь резко изменилась — мне поставили диагноз:

рак спинного мозга последней стадии. Я призвал служителя. Он совершил молитву с елеопомазанием, и я ожидал выздоровления.

Но милостивый Господь повёл меня другим путём. Болезнь прогрессировала, боль усиливалась, стали отказывать ноги. Меня прооперировали в институте нейрохирургии. Когда очнулся, понял, что парализован ниже шеи, хорошо работала только левая рука. Состояние здоровья ухудшалось, сильно выпадали волосы, во второй половине дня поднималась температура. Проведя медикаментозное лечение и не увидев никаких результатов, врачи развели руками и выписали меня из больницы.

Поняв, что наступает конец, я попрощался с церковью, с семьёй и ожидал перехода в вечность. Но так как этого не происходило, я размышлял: «Что во мне не так? Четыре года неподвижности, сильные боли. Почему Господь допустил это испытание, ведь любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу? Разве Он меня не любит? Да нет, любит: я нахожусь в церкви, в семье, мне обеспечен постоянный уход и всевозможная помощь от близких и родных. Ведь это всё милость и забота любящего Отца...» Много думал, раскладывал свою жизнь по полочкам и наконец-то понял: в начале своей духовной жизни я был живым членом церкви, а потом стал медленно и уверенно превращаться в лаодикийца — умирающего формального христианина. Я начал сокрушённо каяться, призывать служителей, исповедоваться.

Как-то после очередного посещения служителя неожиданно для себя я вдруг почувствовал, что могу шевелить ногами, — пошёл процесс выздоровления! Это ещё раз убедило меня во всеобъемлющей любви и долготерпении моего Спасителя Иисуса Христа, Который: **«Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы»** (Библия. Евангелие от Матфея 12, 20). А я на то время и был как та трость, жизнь во мне еле теплилась, но Небесный Врач оживил, простил, помиловал.

На сегодняшний день я могу самостоятельно обслуживать себя, са-

диться в инвалидное кресло, проповедовать и прославлять Бога на богослужениях.

В ответ на мою молитву друзья подарили мне электрическую коляску. Я всегда ощущаю Божию заботу обо мне через таких жертвенных христиан, поэтому живу и радуюсь о Господе. И как бы ни сложилась моя жизнь в дальнейшем, знаю одно — я буду ходить! Если не здесь, на земле, то там, в небесном краю, я самостоятельно подойду к Спасителю, припаду к Его святым ногам и буду славить и благодарить за милость, любовь и долготерпение ко мне, грешнику.

Этот уникальный памятник изображает мальчика, выпрыгивающего из своей инвалидной коляски. Отец поставил его на кладбище в Солт-Лейк-Сити своему сыну-инвалиду Мэттью, изобразив его свободным от земных тягот.

Мальчик родился 23 сентября 1988 года в семье Джоанны и Э. Паркер Робинсон с тяжёлой инвалидностью. При рождении врачи предполагали продолжительность его жизни в несколько часов, тем не менее, стойкость и выносливость в сочетании с силой Бога позволили ему прожить десять с половиной лет, наполненных любовью к своей семье и друзьям.

Его жизнь вдохновляла всех, кто его знал. Семья Мэттью имела честь провести короткий отрезок времени с ним на земле, чтобы восхищаться его мужеством, постоянной радостью и счастьем в условиях борьбы, что навсегда изменило их жизнь в лучшую сторону.

*Жизнь моя не кончится в мошле,
На которой вырастет трава,
Я воскресну, люди дорогие,
Потому что Библия — права!*

Я, Валентина Николаевна Касымова,
1928 года рождения,
жила и воспитывалась в детском доме.
То, что я расскажу о себе в этом
стихотворении, происходило на самом деле.

ПРИРОДЫ чудные картины
Господь создал везде для нас,
Большие горы, и долины,
И краски луга — всё для глаз,
Игра цветов, игра лучей,
Но всё не для моих очей...
Я родилась, как все рождается, —
Признала вся моя родня, —
Глаза мои на свет глядятся
Сморозинками у меня.
Настала страшная година,
Как пламя накатила корь,
Пожаром тело охватила,
И сжёг «сморозинки» огонь.
От роду полтора годочка
Смотрела я на Божий свет,
Поставлена болезнью точка,
Закрты глазки, зренья нет.
Вот я, как та былинка в поле,
Качаемая ветерком,
Жила у слепоты в неволе...
И отвезли меня в детдом.
Там возрастала потихоньку,
Училась, и пришлось понять,
Что я одна из тех девчонок,
Что бросили отец и мать.
Учёба в школе завершилась,
Вопрос возник судьбу решать,
Я в институт идти решилась,
Чтоб в ногу с зрячими шагать.
Вот позади уж все волненья, —
Ведь поступила ж в институт! —
А впереди года ученья,
Подъём здесь будет очень крут.
И эти пролетели годы,
Мы разлетелись кто куда,

А я попала в ту же школу,
Где юности прошли года.
Потом замужество, там дети —
Их надо нянчить, пеленать,
Кормить, поить, растить, лелеять,
Порой ночей недосыпать.
Вся жизнь моя обыкновенна,
Такая же, как и у вас,
Но вам покажется, наверно, —
Как это делать всё без глаз?!
Наш Бог создал нас так чудесно,
Когда нам трудно — Он ведёт
И открывает путь Свой крестный,
В надежде силу жить даёт.
Меня Он вёл дорогой трудной:
То ободрял, то обличал.
Вот и живу теперь я чудно,
Так, как Учитель наставлял.
Господь всё это время душу
Мою больную исцелял,
И я всегда старалась слушать
Всё то, что в Слове Он сказал.
Теперь мой Бог, Отец духовный,
Прозренье дал душе моей,
Я верю, будет, безусловно,
Светиться свет моих очей!
Хотя глаза мои закрыты,
Не видят красоты земной,
Но Господом я не забыта,
На мир смотрю, прозрев душой.
Я знаю, что увижу точно
Сама Христа на небесах,
Он мне сказал — Его я дочка!
Не правда ль, это чудеса?
И я отныне умоляю,
Чтоб мне служить Ему всегда,
Я сильно этого желаю,
Торя, как яркая звезда.
И о своих молю я детях,
Чтоб их Господь благословил,
И о внучатах малолетних,
Чтоб всех Он также возродил.

Учась в школе, в институте,
работая в школе с детьми,
я никогда не писала
ни стихотворений, ни песен.
Но в 1992 году, когда узнала
дивного Христа, получила от Него
способность прославлять Его
и в стихах, и в песнях.

Михаил Тайга

Искорка, ПОБЕДИВШАЯ ВЬЮГУ

Документальная повесть

Страшная беда

Каждый день на свет появляются всё новые и новые жители планеты. Удивлённо глядя вокруг, они постепенно начинают познавать необычный для них окружающий мир. Их маленькие тельца ощущают ласковые руки матери, глазки рассматривают яркие игрушки, ушки слышат пение и пока ещё непонятную речь, а ротики с удовольствием поглощают вкусное материнское молочко. Они приходят в неопишуемый восторг, когда созерцают порхающих птичек или им удаётся погладить кошку или собачку. Подрастая, они наконец-то делают свои первые шаги: падают, плачут, но поднимаются и снова упорно продолжают движение вперёд. Словом, живут и радуются своему беззаботному детству.

Но, к великому сожалению, не все малыши бывают так счастливы. В Библии написано: «Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх». Слова этого изречения находят своё подтверждение в жизни некоторых маленьких людей уже с раннего детства.

В российской глубинке, в областном городе Пенза, в середине июня 1976 года родилась кареглазая, темноволосая, курносая девочка. Назвали её Дашенькой. Восторженные родители окружили дочурку любовью и вниманием. С доброй улыбкой они брали её на руки и чмокали в пухленькие щёчки, губки, говорили ласковые слова и весело трясли перед её личиком погремушкой. Счастье переполняло их сердца и сияло в доме вместе с солнечными лучиками, проникающими сквозь тюлевые оконные занавески. Ах, как хорошо было всем трим!

Но как порой грозовая туча, от которой небо становится тёмным и мрачным, закрывает собой солнце, так и в некоторых счастливых семьях происходят драматические перемены. Над семьёй нависла чёрная тень разлуки. Утром папа ушёл на работу, а назад почему-то вернулся немного раньше обычного. В доме он застал незнакомого мужчину.

— Что это значит? — обратился он к жене.

Подвыпившему гостю не понравился вопрос, и он ударил хозяина в лицо. Завязалась чудовищная драка, концом которой стала жуткая смерть Дашиного отца.

После похорон, забрав дочку, мать уехала вместе с новым мужем-убийцей в Кемерово. Там они оба пристрастились к выпивке. Грязная, неухоженная девочка была предоставлена сама себе. Иногда мама, уходя на работу, привязывала её, как собачонку, к столу и ставила перед ней на пол какую-нибудь еду.

Жили они недалеко от железнодорожной линии, и трёхлетняя Дашенька любила наблюдать за проносющимися по рельсам могучими поездами. Восторженно рассматривала она локомотивы, раскрашенные в яркие цвета, которые тянули за собой тяжёлые составы из пассажирских и товарных вагонов. Они то посвистывали тонко, то басили низкими гудками, чем очень привлекали любознательную малютку.

Однажды она вплотную подошла к рельсам, по которым с огромной скоростью приближался тяжёлый состав. Находившийся недалеко отчим, увидев опасность, сорвался с места и бросился к малышке с криком:

— У-хо-ди-и!

Едва он успел схватить падчерицу, как обо что-то споткнулся, и они оба упали на шпалы.

Шокированные машинисты пронзительно сигналили и пытались затормозить, но было уже слишком поздно — поезд сбил их на полном ходу, и только через две долгие минуты ему удалось остановиться. К ужасу подоспевших людей мужчина был мёртв, а девочка едва дышала. Вытащить её из-под колёс оказалось невозможным, и на помощь срочно вызвали солдата с овчаркой. Повинуясь командам хозяина, Роза, как звали собаку, всё-таки смогла извлечь полуживую малышку. Одна ножка у неё была отрезана, другая сильно покалечена, кровоточило множество страшных ран и ссадин.

В бессознательном состоянии пострадавшую срочно увезли в реанимацию.

Когда Дашенька пришла в себя, она стала жалобно звать маму — ей так хотелось во время мучительных нестерпимых болей ласкового прикосновения маминых рук, её нежных слов и всего того, что могла дать только она одна, но её не оказалось рядом... Жестокая реальность навалилась на едва начавшую жить маленькую девчущку.

А мама тем временем написала своей матери в Пермский край о случившемся и добавила: «Если тебе нужна Дашка, забирай её себе». Бабушка тут же приехала со своим десятилетним сыном. Придя в больницу, она в ужасе застыла, увидев загипсованную, перевязанную бинтами с просочившейся кровью и зелёнкой плачущую внучку, и срочно приняла решение увезти её к себе домой.

С немалыми трудностями пробиралась она вместе с сыночком и раненой внучкой в далёкую деревенскую глушь. Ей пришлось делать несколько пересадок и на плоту переплывать реку в объезд болотистой местности, пока наконец она добралась до своего посёлка Ныроб.

В доме заботливой бабушки Даша постепенно поправлялась и приходила в себя после перенесённого стресса. Раньше заживали быстро, только отсутствие ножки доставляло ей большие неудобства, потому что приходилось передвигаться вприпрыжку или ползком.

Так прошёл год. Девочка сильно скучала по маме. И вдруг неожиданно на пороге дома появилась женщина — это была она! С криком ликования кинулась Даша в желанные объятия. Как давно она не видела маму! Девочка не могла наглядеться на родное лицо и, нежно поглаживая его, приговаривала: — Мамочка, мамулечка! Как же долго я тебя ждала!

Изголодавшееся по материнскому теплу сердечко девочки радостно стучало в груди, а улыбка не сходила с лица.

Вкусные леденцы и шоколад ещё больше усиливали праздничное настроение. Мама гладила дочку по головке и шептала добрые ласковые слова.

Заметив, что от постоянных нагрузок уцелевшая ножка искривилась, мама забрала дочку у бабушки и увезла в Пермь, где положила в больницу.

Даше сделали операцию по выравниванию ножки и подобрали маленькие костыли, чему она очень радовалась: теперь ей стало ходить намного легче. Одно только омрачало радость: среди посетителей она не видела родного человека... Однажды мама всё же пришла, принесла гостинцы и слёзно на коленях умоляла Дашеньку о прощении. Четырёхлетняя девочка не понимала происходящего, а просто искренне ликовала, что мама опять рядом с ней.

Теперь каждый день она с нетерпением ожидала появления мамы в коридоре больницы, но проходило время, а её всё не было и не было...

Детский дом

После больницы Дашу определили в детский дом инвалидов в Свердловской области. Встретили её здесь с полным равнодушием — в этом месте никому ни до кого не было дела.

Бедняжка тосковала и искала маму. Ночью она частенько бродила одна по территории, огороженной высоким забором, а спать ложилась когда вздумается, чаще всего в слезах, но её никто не ругал и ни о чём не спрашивал.

У маленьких обитателей детдома имелись различные увечья: у кого-то не было ручек, у кого-то ножек и они ходили на костылях, кто-то даже ползал, как раньше она. Детское сердечко сочувственно сжималось при виде маленьких несчастных инвалидов.

Когда Даша немного освоилась на новом месте, то познакомилась с такой

же одинокой и никому не нужной девочкой Танечкой. У неё не было уха. Общая беда сплотила малышей, и они стали хорошими подружками.

В летнее время детей часто водили купаться на речку. Ласковое тёплое солнышко и зелёная травка радовали глаз. Хотелось вдыхать и выдыхать свежий воздух, чего так не хватало в душных комнатах. Лёгкий ветерок шевелил воду, образуя маленькие волны, которые нежно оглаживали пологий песчаный берег. Дашенька с восхищением смотрела на плещущихся и радостно повизгивающих в воде ребятшек. Плавать она не умела, но ей вдруг так захотелось освежиться, что она поскакала на одной ножке к водяной кромке. Оказавшись в воде, Даша сильно испугалась — ей показалось, будто кто-то тащит её в глубину. Она только успела вскрикнуть и тут же с головой ушла под воду. Девочка захлёбывалась, короткое мгновение отделяло её жизнь от смерти. Воспитатели вовремя заметили это и прямо в одежде бросились ей на помощь. Даша была спасена.

В течение лета она ещё несколько раз пыталась научиться плавать, но у неё ничего не получалось, поэтому купание в реке ей перестало нравиться.

Чужая сторона, чужой дом, чужие люди... А солнышко такое же приветливое, голубое небо с летающими под ним шустрými птичками такое же, как дома, но всё равно чего-то сильно не-

достаёт. Прошёл почти целый год, как она не видела самого любимого на свете человека — маму. Сидя в кроватке, она с тоской смотрела в окошко и мысленно обращалась к ней: «Мамочка, почему ты не приходишь?.. Я так жду тебя!..» Вдруг дверь в комнату резко открылась и вошла та, о ком девочка так скучала.

— Мама, мамулечка, родная моя! Ты пришла! Я так тебя ждала! — Со слезами радости протянула к ней ручонки дочурка. — Мама, я так хочу домой! Забери меня отсюда!

— Конечно, родненькая! — обливаясь слезами, вторила ей мама. Она подхватила дочку на руки и крепко обняла. Так они простояли очень долго, не находя слов от нахлынувших чувств.

— Как хорошо! — тряхнула коротко стриженными волосами Даша. — Мы теперь будем жить с тобой вместе!

Мама расспросила её о жизни в этом доме и неожиданно сообщила:

— Я приехала не одна, а с твоим новым папой, и мы увезём тебя домой!

Дашенька захлопала в ладоши — наконец-то!

Хотя руководители детдома не позволили отпустить её, но мама каким-то необъяснимым образом всё же смогла выкрасть документы, и Дашенька навсегда покинула ненавистное заведение.

Ну вот и дома!

Ярко-зелёный тепловоз, украшенный по бокам алыми полосками, с большой скоростью разрезал прозрачный воздух. Позади него послушно катились десятка полтора разноцветных вагонов, в одном из которых ехала счастливая Дашенька со своей мамой и новым папой. Мчались они куда-то далеко. Яркое солнце весело мелькало между стволами стремительно убегающих назад деревьев в лесопосадках.

Иногда состав останавливался на вокзалах и небольших станциях. На одной из остановок мама покинула вагон, но через некоторое время вернулась, неся в руках мороженое. Счастливая пассажирка не верила глазам — как давно она не ела ничего подобного!

— Спасибо, мамочка! — с сияющей улыбкой воскликнула девочка, смакуя холодное лакомство.

— Ешь на здоровье, родная!

Отчим принёс из вагона-ресторана бутылку лимонада. Откупорив её, он налил газированный напиток в стакан. Дашенька с любопытством наблюдала за весёлыми пузырьками, беспорядочно бурлящими внутри и образующими белую пену. Она сделала глоток и ощутила верх блаженства.

— Ну что, полакомились? А теперь пора бы и поесть! — улыбнулась мама и выложила на столик шуршащие свёртки. Отчим поставил ещё какую-то бутылку. Во время еды они время от времени пили из неё непонятную жидкость и постепенно становились всё веселее и разговорчивее. Малышка и не догадывалась, какая беда ожидает её из-за этого бодрящего родителей напитка. Главное, что всем было хорошо и весело, а что ещё нужно?

Но вот длительная поездка подошла к концу. Семья поселилась в глухой деревушке, в частном доме. Сначала жили дружно. Дашеньку дважды помещали в городскую больницу, где её вытягивали и выпрямляли ножку, а потом сделали небольшой, подходящий по размеру, протезик.

Через некоторое время они семьёй опять переехали в другую деревню, и таких переездов было несколько.

Дашина мама всё чаще и больше пила непонятную жидкость из бутылки, не отставал и отчим. Он стал нередко избивать маму. А когда она уходила из дома, то наносил побои Даше. Какой ужас испытывала хрупкая без-

защитная девочка, когда над ней нависал тяжёлый кулак огромного ребёнка с разъярённым лицом! С гневными бранными словами он нередко со всего маху бил её куда попало.

Как-то отчим привёл в дом друзей-собутельников, и они вместе начали пить. Заметив падчерицу, он приказал ей подойти к нему. Она незамедлительно исполнила приказание. Поставив перед ней пустой стакан, отчим налил в него водку и скомандовал:

— Пей!

Девочка на тот момент уже понимала, что это такое, и отказалась.

— Если не будешь пить, — зарычал мужчина, — я тебя изобью!

Но Даша не сдвинулась с места. Тогда кто-то из пьяной компании запрокинул перепуганной девочке голову, насильно открыл рот, а другой влил водку. Все дружно захохотали. Даша чуть не захлебнулась, ей стало очень плохо. Вся в слезах она убежала в соседнюю комнату, спряталась под одеяло и долго безутешно рыдала. Ей было страшно и одиноко. Куда деваться девочке, лишённой безопасности даже в родном доме?

Протезное предприятие

Дашенька подрастала, и ей каждый год требовалась смена протеза. В шестилетнем возрасте мама отвезла дочку далеко в Красноярск, на протезное предприятие, и оставила без документов на милость медперсонала. Не знала тогда оставленная девочка, что они с мамой больше никогда не встретятся.

В палате, куда её поместили, находились четыре девочки. Встретили они сестрёнку по несчастью враждебно. Старшая из них, одиннадцатилетняя красавица без ноги, процедила сквозь зубы:

— Сейчас мы будем тебя воспитывать! — Недолго думая, она ударила

новенькую по лицу. Жестокому примеру последовали и остальные.

От неожиданности Даша закричала:

— Ма-ма-а-а!

— Какая тебе ещё мама? А ну, закрой рот! Запомни, у тебя нет никакой мамы! — вопила она, продолжая вместе с другими беспощадно избивать её.

От такого неожиданного приёма у Даши ручьями потекли из глаз слёзы.

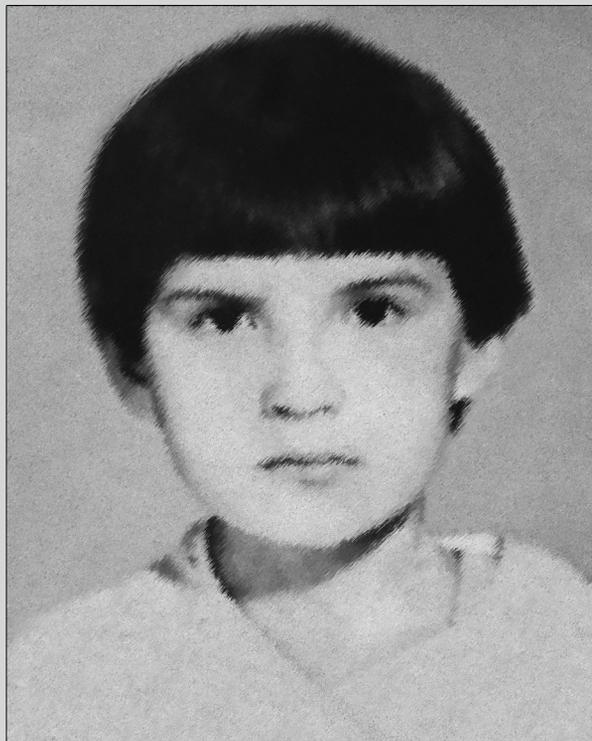
— Не реви! — продолжала кричать предводительница. — И заруби себе на носу — теперь мы будем тебе вместо мамы!

У Даши наступили дни сплошных мучений. Такие избиения происходили каждый день. Она боялась просыпаться по утрам, чтобы вновь не испытывать этого кошмара. Но, увы, день всё же наступал, издевательства продолжались, а за помощью обратиться было совершенно не к кому. Если пожалуешься — прослывёшь предателем, поэтому приходилось молчать и терпеть. Сочувствовала ей только одна девочка, ровесница Лера, но, к сожалению, помочь ничем не могла. Её поддержка служила измученной Даше хотя и небольшим, но всё же утешением. А как хотелось, чтобы заступился кто-то взрослый, сильный, да так, чтобы раз и навсегда!

Как-то подошла к ней другая сверстница и сказала:

— Ты — сиротиночка, и мне тебя так жалко!

Что такое сиротиночка, Даша не знала, поэтому стала всячески избегать встречи с этой девочкой.

Как-то поздним вечером в комнату вошла медсестра и, тихо обращаясь к Даше, с хитрой улыбкой произнесла:

— Пойдём, я тебя чем-то угощу.

Она привела её в столовую, усадила за стол, придвинула тарелку с какими-то кишками и говорит:

— Мы съели всю селёдку, а мёлки остались. Хочешь? На, поешь!

Что это такое, Даше было неизвестно, и она ответила отказом. Медсестра стала уговаривать её покушать. Видимо, она думала, что полуголодные дети с удовольствием будут есть всё, что ни подашь, но девочка восприняла это, как очередное издевательство, и отрез отказалась.

Даша подрастала, поэтому ей периодически подбирали новые протезы и учили правильно хо-

дить. Прожила она здесь два с половиной года в постоянном мучительном ожидании расправы, которая беспричинно совершалась над ней в разное время суток. Однообразие многотрудной жизни только один раз нарушилось тем, что её отправили в городскую больницу на операцию по выпрямлению вновь искривившейся ноги.

Однажды за Дашей приехал отчим. При виде своего мучителя Даша в испуге убежала в палату и, трясясь от страха, спряталась под одеяло. В памяти всплыли чудовищные картины прошлого. «Неужели опять всё вернётся? — с ужасом думала она. — Как это страшно! Не хочу-у!»

Немного осмелев, Дашенька вышла в коридор и крикнула проходящей в это

время медработнице в белом халате:

— Я не поеду с ним!

Женщина успокоила её обещанием, что за ней приедет мама.

Через некоторое время от матери пришло письмо, в котором она просила: *«Определите куда-нибудь мою дочь, а то муж сильно противится, чтобы я привезла её домой, да и жилья у нас нет. Как только у нас всё наладится, я сразу же её заберу».*

Красноярский интернат

Когда Даше исполнилось восемь лет, её перевели в школу-интернат. В основном туда принимали здоровых детей, у которых не было матери или обоих родителей. Дашино положение не совсем соответствовало требованиям заведения, но добросердечный директор всё же из жалости принял её.

Дети сразу стали обзывать новенькую: «костыль-нога», «кривоножка», «безногая», отчего она сильно страдала.

По характеру девочка была очень подвижной, весёлой, придумывала разные игры, и вскоре у неё появились друзья, она стала душой компании. Несмотря на инвалидность, она вместе со всеми лазила по деревьям, крышам. Казалось, жизнь в окружении сверстников наладилась, если бы не одно «но». Непонятно по какой причине её невзлюбили две воспитательницы — дневная и ночная — и жестоко избивали одна днём, другая ночью.

Однажды ночная воспитательница заставила Дашу стоять в коридоре на колене. Через час коленка стала ныть. Что делать? Зайти в комнату и лечь спать — означало послушаться да ещё и навлечь на себя больший гнев. Боль усиливалась и перешла в бедро. Девочка не выдержала и села, наступило некоторое облегчение. Её увидела истязательница и рассвирепела:

— Кто тебе позволил сесть?! А ну, встать! Если ты ещё раз сядешь, я тебя так избью, что родная мать не узнает! — Она с силой замахнулась, но что-то помешало ей нанести удар.

Последние её слова и воспоминания об издевательствах привели Дашу в такой жуткий страх, что она снова встала на колени.

— Вот так и стой! — злобно прошипела воспитательница и ушла, громко шаркая ногами.

Коленка опять начала ныть. Боль усиливалась, стало ломить спину. Из глаз несчастной катились горькие слёзы. Время тянулось медленно, казалось, что секунды растягиваются в часы. Очень хотелось спать. Вконец изнурённой девочке едва удавалось удерживать клонившуюся на грудь голову.

За окном начало сереть, наступал рассвет. В семь часов появилась мучительница. Увидев стоящую на колене Дашу, она с неподдельным испугом спросила:

— А ты почему не спишь?!

Даша с трудом подняла полусонные глаза и ответила:

— Вы же сами приказали мне стоять здесь.

Воцарилась пауза — казалось, женщина сама была ошарашена своей жестокостью. Взяв себя в руки, она строгим тоном повелела девочке идти спать.

Этот случай не стал поворотным моментом, и воспитательница продолжала свои издевательства. Ни к кому из детей они со сменщицей не относились так плохо, как к Даше.

Как-то после очередного избивания бедная страдалница вошла в свою комнату и остановилась у окна. Всклипывая и утирая мокрое от слёз лицо, она стала задавать вопросы в пустоту:

— Для чего я живу? Любит ли меня хоть кто-то? Кому я вообще нужна?

Каким-то необъяснимым образом она вдруг почувствовала чьё-то при-

сутствие. Подняв глаза к небу, горемычная произнесла:

— Есть ли на белом свете хотя бы один человек, кому я небезразлична?

Ощущение пребывания постороннего в помещении сохранялось, но что это такое, она не понимала. Конечно же, это был любящий Небесный Отец, Который проявлял интерес к судьбе много-страдальной сиротки и постепенно вёл её необычными путями к Себе.

В интернате был организован

хор, и художественный руководитель принял в него Дашу. Она с радостью разучивала новые песни и пела их вместе с музыкально одарёнными детьми. Здесь царил атмосфера доброты: никто не обзывался, все друг друга уважали, чувствовалась сплочённость. Девочке было хорошо.

Приближался какой-то праздник, хор усердно готовился к выступлению. И вот наступил долгожданный торжественный день. Даша, как и все хористы, находилась в приподнятом настроении. Вдруг к ней подошёл руководитель и сказал, чтобы она не участвовала в концерте. Девочка опешила, но не посмела спросить о причине.

Но, несмотря на внутреннюю горечь, она всё же продолжала ходить на спевки. В дальнейшем ни на какие выступления её не брали. Лишь впоследствии она узнала, что причиной отказа являлось её увечье.

Нередко девочка чувствовала себя ущемлённой. Когда одноклассников принимали в октябрята, учительница велела Даше остаться в это время в классе, пояснив, что её не могут принять в ряды юных ленинцев за плохое по-

ведение. То же самое было и с приёмом в пионеры. «Но ведь в нашем классе много таких учеников!» — недоумевала и огорчалась Даша. В будущем, с позиции зрелой христианки, она не раз благодарила Бога, видя в этом ещё один штрих Его Божественной охра-

ны от мирского влияния.

Одной из унизи-тельных процедур была стрижка налысо из-за вшей как мальчи-ков, так и дево-чек, с которыми не хотели возить-ся. Когда парик-махеры не справ-

лялись с порученной работой, под-ключали старшекласников. Один раз во время такой процедуры Даше очень больно зацепили ухо. «Лысое интернат-ское детство» — такое ироничное опре-деление даст впоследствии своему ран-нему возрасту взрослая Дарья.

В десять лет девочку в очередной раз отправили на операцию. У неё опять сильно искривилась нога из-за сломан-ных костылей, до чего никому не было дела, и ей приходилось передвигаться вприпрыжку. В ногу вставили множе-ство спиц и наложили гипс. Через вре-мя её опять положили в больницу, и врач без наркоза начал выдёргивать спицы с ноги. От нестерпимой боли, будто выламывали кости, девочка сто-нала и кричала, но реакция грубого медработника была бессердечной:

— Тебе не больно! Замолчи!

После дикой процедуры медсёс-тры отвезли всхлипывающую пациен-тку в палату и ушли.

Вдруг дверь тихонько отворилась и вошла женщина с красивым лицом и необыкновенно живыми глазами. Она поздоровалась с Дашей и, после зна-комства, поинтересовалась, как у неё

дела. Затем она рассказала, что находится в соседней палате с годовалым сынишкой, которому сделали операцию на ножке. Речь Натальи Ивановны, так звали женщину, была спокойной и приветливой, от неё веяло чем-то чистым, светлым, что сильно притягивало Дашино сердечко, особенно после жестокого обращения врача. Слушая её, девочка недоумевала: «Интересно, почему она заговорила со мной?» — Затем с затаённой тоской подумала: — Как было бы хорошо, если бы Наталья Ивановна стала моей мамой!» Истосковавшаяся по любви девочке хотелось, чтобы это общение продолжалось бесконечно.

Наталье Ивановне уже нужно было идти к сыну, и она тепло распрощалась с больной, оставив ей банку варенья и яблоко. Девочка не верила глазам, изумлённо глядя на оставленные доброй гостьей подарки, — она так давно не видела ничего подобного — и осторожно взяла в руки источающее душистый аромат красно-бокое яблоко. Понюхав и повертев в руках, она убрала его в тумбочку в память о прекрасной встрече, позволив себе попробовать только вкусное варенье. Пройдёт много времени, когда Дарья опять поймёт: «Это Бог посетил меня в очередной раз!»

На следующий день Наталья Ивановна с сынишкой выписалась из больницы. Вскоре выписали и Дашу. О необычной встрече у неё остались только приятные воспоминания, и теперь с ещё большей силой нагоняли тоску выдавшие виды царапанные стены интерната, избиения, сквернословие, развязное поведение воспитанников.

С субботы на воскресенье детей, у которых были один или оба родителя, отпускали домой. Отцам и матерям, лишённым родительских прав, позволяли посещать своих малюток, и они в выходные дни привозили им гостинцы: фрукты, сладости. Обделёнными оставались лишь те, к кому никто не приезжал, в их числе была и Даша. Она с завистью смотрела на поглощающих вкусные лакомства интернатовцев и, сглатывая слюну, мечтала: «Хоть бы кто-нибудь предложил конфетку или печеньку!», но почему-то эта мысль совершенно никому не приходила в голову. Случалось, что во время ремонта пищеблока детей водили в общественную столовую. Полуголодными глазёнками смотрели они на печенье, конфеты, пирожные на витрине, но получали только то, что положено.

получали только то, что положено.

Интернат иногда посещала некая тётя Тома, работавшая с детьми из неблагополучных семей. С позволения руководства она брала к себе на каникулы кого-нибудь из ребятишек. Как-то в поле зрения её попала Даша, и она пригласила её к себе

на несколько дней. Девочка, мечтая о лучшем, обрадовалась и с удовольствием согласилась.

Таким образом, она оказалась в тесной комнатке общежития. С первых же дней она почувствовала себя здесь неуютно. Тётя Тамара обращалась с ней жёстко и ровно в девять часов вечера приказывала ложиться спать. Через некоторое время женщина и вовсе охладела к ней, отправила назад и переключилась на одноклассницу Даши — Таню. Она посещала её, передавала гостинцы, брала к себе в обще-

житие и вскоре стала оформлять документы на удочерение. Но получился казус: у Тани нашлись родители и забрали её домой. Ничуть не смутившись, тётя Тамара снова переключилась на Дашу. Она же, столкнувшись с таким неблагоприятным поведением взрослого человека, стала решительно отказываться от приглашений. Воспитанники интерната, недоумевающая, полюбпытствовали:

— А почему ты не идёшь к ней? Неужели тебе не хочется, чтобы кто-то тебя любил?

— Не хочу, и всё! — без всяких объяснений решительно отрезала Даша в ответ.

Некоторые из руководителей тоже задавали подобные вопросы, но девочка никому не объясняла причину. Она была сильно обижена на тётю Тамару, а прощать пока ещё не умела.

Продолжение следует

Публикуем творчество Ирины Шемелиной. Ей 55 лет, она инвалид 1-ой группы по зрению и болезни Фридрейха (не может ходить, плохо владеет руками). Живёт с больной старенькой мамой. Её стихи печатаются на страницах христианских газет и журналов.

О Иисус, с Тобой только вместе
По жизни через тернии пойдём!
От временных греховных наслаждений
Откажемся — и мир приобретём,

В Тебе, Иисус, мы обретём надежду,
Научимся небесным дорожить.
Блажен одетый в белые одежды,
Желающий Спасителю служить.

Я направлю свой взор на Христа,
За меня на кресте Агнец умер,
Для хваленья открою уста,
Наполняясь Божественной сущью.

Божий Сын за меня пострадал...
И теперь, что б я в жизни ни делал,
Вместе с Ним жить и бодрствовать стал,
Наслаждаясь лазоревым небом.

Силой Божией Сам Царь царей
Ко спасенью меня соблюдает,
На душе и светлей и свежей,
Милость свыше когда посещает.

За меня умер Он и воскрес!
И теперь я вхожу в Его славу,
Благодатная радует весть,
И её не отнимет лукавый.

Воцарись во мне, Слово Христово,
Средь земной суеты и вражды,
Вразумляй меня снова и снова
На тернистом и узком пути,

Отвечай на любые вопросы
Неизменно и в холод, и в зной,
Вразумляй, наставляй, руководи —
Твоё око всегда надо мной,

Надо мной и во мне, недостойной
Твоих благ, Твоей чудной любви...
Воцарись во мне ныне, сегодня
И мой дух навсегда обнови!

Обнови и навеки очисти,
Чтобы имя Твоё прославлять,
Чтобы встав на путь узкий, тернистый,
Я воспела Твою благодать.

Воцарись!

Сила БЕССИЛЬНЫХ

В один из дней 1946 года мама и я отравились угарным газом — рано закрыли натопленную углём печь. Отец вытащил нас на свежий воздух. Мы пришли в сознание. Казалось, угар нам не повредил. Но через семь месяцев мама родила второго сына и сразу же заметила, что он не реагирует на свет. «Сын слеп!» — содрогнулось сердце. При обследовании обнаружилось ещё, что мальчик немой и ноги его парализованы.

— Помочь ему невозможно, — заключил врач и посоветовал отправить ребёнка в специальное заведение.

— Нет, сына мы возьмём домой, — не колеблясь, ответили родители.

— Смотрите сами. Его ведь нужно не только обслуживать, но и любить, а это очень трудно.

Мой брат был самым беспомощным человеком, какого мне когда-либо приходилось встречать. У него была широкая грудь и большая голова, а руки и ноги — как у пятилетнего ребёнка. Голову он не поднимал. Руки ему подчинялись, и, когда он не спал, то постоянно раскачивал кровать, — в этом состояла его жизнь, которую можно назвать жизнью растений. Но для нас это не имело никакого значения. Он был членом

нашей семьи. Мы его кормили, пеленали, стирали бельё.

Кровать его стояла у окна. Утром мы задвигали шторы, чтобы солнце не обожгло его чувствительную кожу. Во время жары постоянно клали на голову мокрую салфетку, — тогда он меньше метался. Мама говорила мне: «Когда ты придёшь на небо, брат обнимет тебя и скажет: „Спасибо за любовь и терпение“».

В двадцать лет я познакомился с девушкой и пригласил её домой.

— Хочешь ли взглянуть на моего брата? — спросил я гостью.

— Ты что?! — ужаснулась она.

Я понял, что это не тот человек, с которым мне нужно соединить жизнь.

Позднее я познакомил родителей с другой девушкой.

Когда мне нужно было кормить брата, я спросил её:

— Пойдёшь ли ты со мной?

— Какой разговор! — удивилась она и пошла следом за мной.

Мы вошли в комнату брата. Я присел на кровать, поднял его голову и стал кормить. Девушка некоторое время молча смотрела, а потом тихо сказала:

— Можно я покормлю? — И ресницы её задрожали.

В таком состоянии брат пролежал тридцать три года. Он мог

только дышать, есть и спать, но сила его влияния на нашу семью была огромной.

Шесть лет прошло со дня его смерти, но я до сих пор вспоминаю его с тёплым чувством. Беспомощность его стала нашей духовной школой. Уход за ним научил нас бескорыстной любви, терпению и состраданию — это одна из причин, почему Бог допускает жить на земле беспомощным и больным.

«Вестник истины» №2, 1993

Ребёнок С СИНДРОМОМ ДАУНА

У одной супружеской пары долго не было детей. Будучи богобоязненными христианами, они возложили упование только на Бога и постоянно молились о своей нужде, желая через рождение ребёнка прославить имя Господа.

Наконец, у них родился малыш, но, как оказалось, с болезнью Дауна. При всех своих нелёгких переживаниях супруги приняли это как из руки Божьей и поблагодарили Его.

В больнице, где находилась сестра с новорождённым больным ребёнком, работала одна женщина, которая ненавидела христиан: она даже торжествовала, узнав, что у верующей четы родился малыш с неизлечимой болезнью.

Однажды эта сестра во Христе позвонила своей матери, которая жила очень далеко, чтобы сообщить ей о рождении ребёнка, и сказала:

– Мама, Господь благословил нас мальчиком с болезнью Дауна!..

В разговоре с матерью она не произнесла ни слова ропота. Слу-

чайно этот разговор подслушала ненавидевшая христиан работница, которая в этот день дежурила у телефонного коммутатора. Слова христианки изумили её: она почувствовала, что мать ребёнка говорит искренне, и это в корне поменяло представление работницы о верующих.

Позже она рассказала о подслушанном разговоре другим сотрудникам больницы, которые и до этого удивлялись спокойствию и доброжелательности супругов-христиан.

Через какое-то время, благодаря этому случаю, около тридцати медицинских работников больницы обратились ко Христу. Рождение больного ребёнка действительно прославило Господа и послужило большим благословением для многих.

Светлана ТИМОХИНА

Из книги «Потерять, чтобы найти»

Шрифт Брайля (фр. Braille) — рельефно-точечный шрифт, предназначен незрячим или плохо видящим людям для письма и чтения. Он разработан в 1824 году французом Луи Брайлем (фр. Louis Braille), сыном сапожника. В возрасте трёх лет Луи поранился в мастерской отца шорным ножом. Из-за воспаления глаза мальчик потерял зрение. В возрасте пятнадцати лет Луи создал свой рельефно-точечный шрифт как альтернативу рельефно-линейному шрифту Валентина Гаюи, вдохновившись простотой «ночного штифта» капитана артиллерии Шарла Баве. (В то время такой шрифт использовался военными для записи донесений, которые можно было прочесть в темноте.)

Для изображения букв в шрифте Брайля используется шесть точек, которые расположены в два столбца. Точки прокалываются и, поскольку читать можно только по выпуклым точкам, «писать» текст приходится с обратной стороны листа справа налево, затем лист переворачивается и читается слева направо.

Для «письма» от руки иногда применяются приборы. Они представляют собой две шарнирно связанные пластины (1,5–2,5 мм толщиной, в зависимости от материала). В одной — прямоугольные отверстия для каждого знака, во второй — углубления для каждой точки. Между ними кладут лист плотной бумаги (140–160 г/кв. м) и выкалывают точки приспособленным для удобного пользования штифтом. Для более стационарного

пользования имеются машинки. На них при помощи шести клавиш электромеханически или усилием пальцев разом выкалывают знаки до шести штифтов.

В массовой печати, как впрочем и в другом книгопечатании, раньше текст набирался в специальных ящиках из брусочков с выпуклыми точками. Затем на этот набор клали лист увлажнённой бумаги и прокатывали по нему валиком соответствующей жёсткости. При этом печатали только одну сторону листа, такие листы после просушки были волнистые. Я видел в музее напечатанный таким методом Псалтирь.

Позже текст стали выбивать на сложенных вдвое металлических листах, между которыми вкладывали листы сухой бумаги. На всё это оказывали давление сорокатонным прессом. Это дало возможность печатать с двух сторон, и оттиски получались аккуратнее. Есть и другие методы печати с этих листов.

В настоящее время для малых и средних тиражей пользуются принтерами. Они выпускаются с разной скоростью печати и разных конструкций. Наш, согласно инструкции, делает 100 точек в секунду.

Благодаря тому, что Господу удалось использовать как орудия некоторых Своих детей, Библия стала доступна как слабо-видящим, так и незрячим людям.

Яков Абраамс

Электронная почта: Jakob Abrahams@t-online.de

WhatsApp, Viber: (0049)01577-1324687

Дорогие читатели!

Мы будем рады получить ваши замечания и комментарии по поводу информации, помещённой в номер. Если у вас есть пожелания, заметки, статьи, фотографии с описанием жизни братьев и сестёр с инвалидностью в ваших церквях, то присылайте их на электронную почту: milosti@t-online.de

Информационно-назидательный журнал Международного союза церквей евангельских христиан-баптистов для людей с ограниченными возможностями

Выходит один раз в год • Издаётся на пожертвования верующих • Распространяется безвозмездно

Аист Малёна не могла летать из-за погбитого крыла. Но она была счастлива, ведь её возлюбленный каждый год возвращался к ней. Он пре-
одолевал огромное расстоя- ние в 13 тысяч километров
го Южной Африки и сто- лько же обратно, чтобы
вернуться к любимой в родное гнездо.

Аисты вырастили

В этом им помогал до- брый человек из Хор-
ватики Степан Вокич, который подобрал в
поле раненую птицу и построил ей жили-
ще у себя в гараже. Он ежедневно кор-
мил пернатое се- мейство, принося им
10 килограмм жи- вой рыбы.

Каждую весну Малёна с радостью
встречала своего Клепетана. Их пре-
данность была на- столько сильной,
что вызывала у людей восхищение.

Вскоре стало заметно, что Кле-
петан тратил на до- рогу больше време-
ни, ведь он был уже немолод, а потом и
вовсе исчез. Аисты прожители вместе 17
лет! Так закончилась трогательная история
любви двух грациозных глинноногих птиц,
созданная великим Творцом

более 60-ти птенцов! Он ежедневно кор-
мил её и приносил ей живую рыбу.

Малёна с радостью встречала Клепетана. Их преданность была настолько сильной, что вызывала у людей восхищение. Заметно, что Клепетану больше времени уходило на дорогу, ведь он был уже немолод, а потом и вовсе исчез. Аисты прожили вместе 17 трогательная история любви двух грациозных глинноногих птиц, созданная Своей славой.

*Кто во всём этом не узнаёт,
что рука Господа сотворила сие?*

Библия. Иова 12, 9

Если упадёт один,
то другой поднимет
товарища своего.

Библия. Екклесиаста 4, 10

Это не просто дерево... Это урок для людей... Оно растёт у дороги в горном массиве Бюкк в Венгрии. Прошло много лет с тех пор, как кто-то срубил низ ствола тонкого деревца, но оно не погибло, потому что его держат и кормят «руки» соседнего дерева. Каждую весну они вместе распускают листья, вместе наслаждаются теплом летнего солнца и вместе ложатся спать осенью. Уже много лет...